

А. А. ГРИГОРЬЕВ

Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина

(статья вторая)

<...> Шеллингизм, хотя имел у нас даровитых, глубокомысленных и даже строго логических представителей в лице И. В. Киреевского, Надеждина и Павлова, — но он, в первоначальной форме своей, завлекая своим таинственным тождеством сознающего *я* и создаваемого *не-я*, приводил *en définitive*¹ к стихийному раздвоению, был узаконением, оправданием этого раздвоения — или, действуя другими, внешне мистическими своими сторонами, увлекал благородные, ищущие цельности, ищущие успокоения и центра, души в какие-то заоблачные выси, где их обманывали призрачные формы примирения в прошедшем, в отжитом мире... Новое учение смело ставило всеобъемлющий принцип, проводило его с строжайшею, железною логическою последовательностью, дразня в то же время душу своими отвлеченными таинственными сторонами...

Гейнрих Гейне сказал в одной из своих книг, что шеллингизм похож на иероглифы, которые издали кажутся изображениями странных, любопытных животных, а в сущности ничего не значат, — а гегелизм, напротив, на клинообразные письмена, присмотрясь к уродливости которых, видишь простые буквы — а буквами этими написаны самые простые, ясные и здравые истины¹. Это чрезвычайно остроумно — хоть и не совсем так и по отношению к иероглифам, и по отношению к шеллингизму. Но это больше чем остроумно, это — глубоко верно как выражение отношений той эпохи к двум учениям!.. <...>

* В конечном итоге (франц.). — *Ред.*